

ОЛЕГ КОЖИН

РАССВЕТ

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

К58

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы
скетчи и зарисовки из фильма «Рассвет»

© ООО «Форс Медиа», текст, 2019

© ООО «Форс Медиа», иллюстрации, обложка, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

«САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА»
литература ужасов высшей пробы

Книги и авторы серии
«Самая страшная книга» —
номинанты и лауреаты
жанровых и литературных премий:

«Большая книга»;

«Ясная поляна»;

«Новые горизонты»;

«Интерпресскон»;

«Книга года» (портал «Фантлаб»);

«Выбор читателей» (портал «Лайвлиб»);

«Итоги года» (журнал «Мир Фантастики»);

«Рукопись года»;

«Мастера ужасов»

и многих других.

К постоянным читателям серии «Самая страшная книга»

Обращение М. С. Парфенова

Те из вас, кто взял в руки эту книгу лишь потому, что ранее посмотрел фильм ужасов «Рассвет», — можете смело перелистнуть следующие пару страниц и сразу приступить к чтению. Надеюсь, что потом вы познакомитесь и с другими книгами нашей серии. Поверьте, у нас в ССК — много, много разных сладких кошмаров, в которые можно нырнуть с головой... Главное потом вынырнуть, хе-хе-хе.

Надеясь на лучшее, с киноманами не прощаюсь. Но прямо сейчас я бы хотел обратиться к другим людям. К тем из вас, кто раскупил больше пятидесяти тысяч предыдущих «страшных книг», кому не надо отдельно представлять ни М. С. Парфенова, ни Олега Кожина — ведь мы с вами уже давно знакомы.

Может быть, с кем-то даже знакомы лично. В прошлом году у нас состоялось несколько приятных встреч с читателями в Москве, а в конце октября — на Хеллоуин, разумеется, — в Санкт-Петербурге прошел первый в истории «Самый страшный фестиваль». Там же, тогда же я впервые и объявил о том, что в серии «Самая страшная книга» будет издана новеллизация нового российского фильма.

Олег в то время как раз заканчивал работу над первым черновиком романа, так что безвылазно торчал в Петрозаводске и, понятное дело, в питерском празднике ужасов не участвовал. Зато там побывал режиссер «Рассвета» Павел Сидоров, который представил публике свой фильм и пообщался с гостями и участниками феста. И, конечно, это просто случайное совпадение, что такому приятному молодому человеку вопросы задавали сплошь представительницы прекрасного пола... А уже потом, в перерыве между мероприятиями (после выступления Сидорова желающие еще смогли опробовать очки виртуальной реальности для просмотра специального промо-видео фильма, а затем состоялись конференция с авторами «Самой страшной книги» и вручение премий «Мастера ужасов»), удалось перекинуться с Павлом парой слов и мне.

Это был совсем короткий разговор в курилке неподалеку от входа в магазин «Буквояд» на Невском. Вечерело, на город опускались сумерки. В Петербурге в это время года холодно, как в ледяном сердце Дантова ада. Ночью мне еще предстояло ехать поездом обратно в Москву, а Паша уже торопился на другое важное мероприятие. В общем, нам обоим было не слишком удобно вести долгие обстоятельные беседы. Но иногда люди как раз в таких ситуациях, что называется «на бегу», могут сказать нечто по-настоящему важное. Как раз потому, что придумывать, формулировать что-то новое в подобных обстоятельствах нет времени, и ты просто озвучиваешь какие-то мысли, которые уже давно крутились в голове.

Павел сказал мне, имея в виду при этом всех нас, пишущих хоррор на русском авторов: «Пишите, ребята! Нам в кино жуть как не хватает литературного материала, который мог бы послужить основой для хороших фильмов, а без хорошей истории в этом деле — никуда».

Видит бог, это правда. Без хорошей истории не получится ни хорошей книги, ни хорошего фильма. Здорово, что все больше людей это понимают, ведь схожие мысли ранее высказывал и продюсер «Рассвета» Владислав Северцев. Влад, кстати, проводит ежегодный конкурс сценарных заявок («Рассвет» снят как раз по сценарию, победившему в таком конкурсе) и все чаще обращается к авторам «Самой страшной книги» в поисках идей и сюжетов. И не он один, разумеется: хоррор в последние годы стал интересен очень и очень многим людям из мира кино и телевидения.

Вопрос в том, насколько интересно это может быть другой стороне, то есть нам, писателям и читателям?

Лично я считаю, что сотрудничество между сочинителями страшных историй и теми, кто снимает фильмы и сериалы (а также делает игры, рисует комиксы et cetera, et cetera), не просто имеет право на жизнь. За ним — будущее жанра.

Кто-то лучше управляется с камерой, кто-то — с пером. Разумеется, мы и дальше можем жить и работать сами по себе, но любые формы коллаборации в нашем общем деле будут способствовать развитию самого жанра. И это даже нет нужды доказывать, потому что «велосипед» уже

давно изобретен: достаточно просто вспомнить историю хоррора зарубежного.

Среди первых фильмов ужасов мы найдем экранизации «Франкенштейна» и «Дракулы». Среди сценаристов сериала «Сумеречная зона» увидим писателей Ричарда Матесона и Роберта Блоха (произведения обоих также были экранизированы, став знаменитыми фильмами). «Челюсти» Спилберга и недавний хит «Мег: Монстр глубины» сняты по книжным бестселлерам. Новый слэшер «Хеллоуин», равно как и новый «Хищник» получили официальные новеллизации. А роман «Звонок» Кодзи Судзуки породил целое направление в жанре — j-horror.

Зная и помня все это, я уже давно думал о том, что движение литераторов и кинематографистов навстречу друг другу обязательно должно помочь и тем и другим. Главное, сделать правильный выбор, наладить контакт с правильными людьми — чтобы не вышло так, что крепкий фильм новеллизует бездарный автор или, наоборот, талантливый писатель взялся бы за новеллизацию отвратительного кино.

Как раз тут свою роль довелось сыграть и мне. Северцева, который ранее спродюсировал самые успешные российские кинохорроры «Пиковая дама: Черный обряд» и «Невеста», я знаю уже два года. С Олегом Кожиным мы знакомы и того дольше. В таланте и устремленности их обоих — нисколько не сомневаюсь. Дело было за малым — свести двух одаренных и неравнодушных к ужасам и мистике людей и помочь им выпустить книгу, за которую ни одному ни другому в итоге не будет стыдно.

Сделать это оказалось не так уж и легко... На самом деле на тот момент, когда я со сцены кафе-читальни «Буквоеда» вещал о том, что мы скоро выпустим новеллизацию «Рассвета» — у нас еще не было никакого одобрения от издательства. Так что, делая публичную рекламу книге, которая вообще могла никогда не выйти, я рисковал. Как рискует и редакция «Астрель-СПб», потому что далеко не всякая новеллизация пользуется успехом. Как решили рискнуть, поддавшись на мои уговоры, Влад и Олег. И — поскольку прежде в «Самой страшной книге» мы никогда не выпускали таких романов — рискуете, конечно, и вы, наши читатели.

Но ужасы кажутся мне именно тем жанром, в котором без риска не обойтись — ровно так же, как в кино не обойтись без хороших историй. В конце концов, мы пишем книги (снимаем фильмы, делаем игры и т. д.) о том, что нас пугает, что представляет угрозу. С риском был связан и выход нашей самой первой «Самой страшной книги 2014», и создание антологий «13 маньяков» и «13 ведьм», в итоге ставших бестселлерами. Когда идешь непроторенными тропинками русского хоррора — неудачи поджидают за каждым кустом, и многое зависит от твоей прыти и смекалки. Первые авторские сборники в нашей серии («Запах», «Зона ужаса») было сложно издать из-за высоких рисков. Первый роман («Фаталист» Виктора Глебова) оказался, с коммерческой точки зрения, провалом, хотя я по-прежнему считаю его отличным увлекательным хоррор-читивом. Но теперь у того же Глебова появилась отдельная авторская се-

рия, в ССК мы готовим к изданию уже пятый авторский сборник, а «Рассвет» стал уже третьим сольным романом в серии. И на подходе еще один интересный проект — «серия-спутник» самых страшных книг, в которой будут издаваться небольшие, но очень крутые и интересные (и страшные!) романы ужасов.

И если вам покажется удачным наш новый эксперимент — новеллизация фильма «Рассвет», — то и эту историю мы обязательно продолжим.

Друзья — вместе с нами вы прошли долгий путь, так что позвольте называть вас «друзьями» и надеяться, что вы доверяете нам, доверяете мне как своему другу — друзья, от лица всей команды, трудившейся над изданием этой книги, я желаю вам приятного чтения. И мы будем рады прочитать ваши отзывы и рецензии как на фильм «Рассвет», так и на одноименную книгу. Ведь знаете, что еще интересно? Мы специально сделали так, что сюжеты фильма и книги, имея общую канву, значительно расходятся во многих деталях. И нам, конечно, любопытно, какая из версий этой истории вам понравится больше.

Глава первая

КОШМАР НАЧИНАЕТСЯ

ДНЕВНИК АНТОНА

(Ноябрь чт.-пт.)

Это сновидение я решил назвать «Мама». Варианты рассматривал разные: «Госпиталь», «Побег», а также кучу других, куда менее удачных. Я остановился на «Маме», потому что эта сцена — единственная точка во времени и пространстве, где я снова могу ее увидеть. Уверенность зрела давно, но все окончательно подтвердилось только сегодня. Снова с четверга на пятницу.

Есть дурацкое суеверие, что сны, увиденные в такую ночь, непременно сбываются. Чуть собачья, заявляю ответственно. Два года осознанных сновидений не дадут соврать. Ни разу ничего не сбылось. Зато благодаря этой бабкиной примете я наконец заметил цикличность. Пролистал старые записи — так и есть: чаще всего «Мама» приходит именно с четверга на пятницу. Уж не знаю, с чем это связано.

Я пытался вызывать этот сон в другие дни — впустую. Не помогла даже полная осознанность действий. Образ мамы словно заключен в этом диковатом отрезке, похожем на сцену из фильма ужасов. Он приходит, когда пожелает сам, и, я думаю, это не случайно. Сегодня он приходил снова.

Снилась мама. Странно, я ведь почти не помню, какой она была, только по фотографиям. Ее мимика, пластика движений — все давным-давно стерлось из памяти. Однако во сне движения и эмоции конструировались убедительно и достоверно.

Заметки на полях:

Т. е. будь мама жива, уверен, она бы двигалась и говорила именно так.

Мы снова находились в каком-то госпитале. Так я прозвал эту локацию. Именно госпиталь — такое слово приходит на ум при виде старых стен, вытертого тысячами ног кафеля и накрытых простынями тел на громоздких металлических каталках. Даже запах лекарств, формалина и разложения наталкивал на мысли о том, что это какое-то место из прошлого. В современных больницах пахнет иначе. Уж я-то знаю.

Заметки на полях:

Еще одна интересная деталь: обоняние работало на полную. Настолько, что, пробудившись, я еще некоторое время очень явственно ощущал неприятные ароматы госпиталя.

Это первый сон, в котором я реально почувствовал запах. Интересно, что об этом скажет Лаберин?

Мама выскочила из ниоткуда, изрядно напугав меня. Совсем молоденькая, всего на пару лет постарше, чем на последнем фото. Простоволосая, в больничной сорочке, похожая на призрак. Живот большой, мама вот-вот разродится, но во сне мне никак не удавалось вспомнить кем. У меня есть брат? Или сестра?

— Антон! Вот ты где!

Паника на ее лице уступила место сосредоточенности. Мама схватила меня за руку — больно, я зашипел от неожиданности — и вскрикнула. Долго, невероятно долго она смотрела на меня: ощупывала взглядом, казалось, готовая в любой момент сорваться испуганной ланью, бросив меня одного в этом жутком месте.

Вероятно, испуг отразился на моем лице. Мама отбросила сомнения и потащила меня на улицу. Она тоже была чем-то сильно напугана. Впрочем, неудивительно. У меня самого от этого места: мрачных коридоров, удушливых запахов, накрытых каталок, стоящих вдоль стен, — мурашки ползли по спине.

— Держись крепче! Не выпускай мою руку! Слышишь? Ни за что не выпускай мою руку!

В зеркале у пустого гардероба я поймал свое отражение. Маленький взъерошенный воробушек, только что очнувшийся ото сна. Лет пяти, от силы шести. Крохотная ладошка тонет в маминой руке. На мне тоже больничный халат. Маленький Каспер рядом с мамой-привидением.

Коридор все тянулся и тянулся. «Разве бывают такие длинные коридоры?» — подумал я во сне. Бесконечные серые стены с редкими проемами дверей и окон, старые шкафы с медицинским оборудованием. Свисающие почти до пола белые простыни и жутковатые абрисы сокрытых под ними трупов. Я похолодел, представив, сколько покойников обитает в этой безразмерной трубе.

Мы бежали мимо них, тяжело дыша и выбиваясь из сил, пока мама вдруг резко не остановилась. С последним шагом будто прорвалась невидимая мембрана, и мы оказались возле лифта. Мама с надеждой бросилась к нему, едва не вывернув мне руку из сустава. Но еще до того, как двери лифта открылись, я услышал странный тревожный стук из кабины. Мама застыла, потрясенная. Попятилась, забыв про меня. Я не сразу понял, что ее напугал не звук, а красный мяч, медленно катящийся к нам из раскрытых створок. При виде безобидной детской игрушки меня пробрала сильная дрожь. Захотелось оказаться как можно дальше от мяча, от нарастающего стука, от страшного лифта, и я повернулся, чтобы бежать.

Крепкая рука, мужская, мертвенно-синяя, с отросшими ногтями, схватила мое запястье. От испуга я даже не смог закричать, лишь громко втянул воздух. Захрипел. Сохраняя очертания лежащего человека, на каталке поднималась простыня. Тело выпрямилось, ткань бесшумно упала вниз, складками легла на пояс. Я опустил голову, спрятал взгляд среди грязных кафельных плиток. Синеватая рука подтягивала меня

ближе, а я все не смел взглянуть на неприкрытое мертвое тело.

Собрав остатки храбрости, я попытался вырваться. Обернулся и увидел маму. Далеко-далеко, в самом конце коридора, на другом краю Вселенной, где с жуткой медлительностью открывались двери стучащего лифта.

— Антон! — обреченно закричала мама, протягивая руку.

Но здесь, на этом краю Вселенной, другие руки, мертвые, жесткие, воняющие разложением, тянули меня в темноту. Кто-то невидимый стиснул мое плечо. Схватил за ногу. За больничную рубашку. Когтистая пятерня больно вцепилась в волосы. Тысячи рук, миллионы пальцев тащили меня, и тревожный грохот все усиливался, подменяя стук крови в висках, стук самого сердца. Захрипев, я рванулся в последний раз, на пределе возможностей, до боли напрягая мышцы...

Меня вышвырнуло из сна, как брошенный катапультной снаряд, и я еще долго не мог прийти в себя, мучаясь болью в голове, да и во всем теле. Только часа через два сообразил подойти к зеркалу. Все тело покрывали кошмарные синяки, местами сильно напоминающие следы от пальцев. На макушке, ближе ко лбу, отсутствовал клоч волос.

В этот раз я не прошел сон до конца. Нас с мамой остановили гораздо раньше. В прошлый раз нам хотя бы дали выйти из госпиталя. Если так пойдет дальше, то полноценное сновидение, а вместе с ним и последние воспоминания о маме скоро превратятся в невнятный отрывок. Надо найти в себе силы прорвать блокаду. Не просто

пройти сон до конца, а сделать это осознанно. Необходимо — пусть это тысячу раз неприятно, пусть больно, ведь я знаю, чем все закончится. Не зря же, выбирая название для этого сновидения, я долгое время всерьез рассматривал другое, более точное. «Смерть мамы».

Багажник оккупировали бутылки. Два здоровенных пакета заняли почти все свободное место и предательски звенели, стоило к ним прикоснуться. Придерживая крышку багажника, Света с сомнением разглядывала покупки.

— Конова?! Але, кисунь, ты чего залипла? — словно бесенок-искуситель, из-за левого плеча вынырнула Настя. — Маловато будет?

— В магазине казалось маловато, — честно призналась Света. — А теперь я не очень-то понимаю, как мы все это осилим. Я ведь даже никого особо не приглашала...

— Ну, во-первых, как устроитель твоей днюхи, о гостях я позаботилась. Уж я-то тебя знаю как облупленную и догадываюсь, кого ты будешь рада видеть...

— Да я, по-моему, уже ни с кем, кроме тебя, не общаюсь.

— Ой, не свисти! Я девчонок с нашей работы позвала, из универа пару человек. Мальчиков!

Она многозначительно приподняла бровь.

— А во-вторых?

— А во-вторых, теперь я сама думаю, что маловато будет. — Лицо Насти сделалось подчеркнуто